

вседневное поведение, принятые в некотором социуме нормы общения, а также жесты и мимику, национальные особенности менталитета представителей той или иной культуры. Важно отметить, что изучение иностранной культуры начинается с изучения языка, через иностранный язык обучающийся познает культуру народа, говорящего на нем. Процесс ознакомления с иностранной культурой идет от языковых структур к познанию и пониманию этой культуры. При этом отмечено, что эффективность коммуникации в значительной степени определяется владением устной речью, которую традиционно делят на монологическую и диалогическую формы. Социокультурные компоненты

общения играют большую роль в понимании устной речи, т.к. в потоке речи они доминируют над вербальными, способны передавать отдельные понятия и даже суждения, заменять отдельные слова и фразы, передавать информацию об эмоциональном состоянии говорящего; одним словом, помогают коммуникантам структурировать свой языковой текст диалога/монолога. Таким образом, развитию социокультурной компетенции у студентов способствует дисциплина «Иностранный язык». В ходе ее изучения будущие выпускники совершенствуют умения строить свое речевое и неречевое поведение адекватно специфике страны изучаемого языка.

Философские науки

ОБРАЗ СМЕРТИ В ЯЗЫЧЕСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ И СКАЗКЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО «ДЕВУШКА И СМЕРТЬ»

Тимофеева Н.Б., Салищева Я.В.

*КГПУ им. В.П. Астафьева, Красноярск,
e-mail: yatenkou-star@mail.ru*

С Античности вплоть до настоящего времени существует множество вопросов, на которые человечество, наверное, никогда не найдет ответа. Часть из них – это вопросы о смерти. Для рассмотрения данного явления, обратимся к нашим предкам – славянам.

Языческие представления о смерти вызвали раздумья многих поколений, к пониманию тайны жизни и смерти стремились величайшие умы с древних времен до наших дней. В этом извечном вопросе все еще остается много невыясненного, спорных положений, противоположных точек зрения.

Для понимания языческих представлений о смерти наиболее важно положение о том, что смерти в нашем понимании у язычников нет. Основным источником изучения этих представлений является фольклор, так как в письменных памятниках они почти не получили отражения, следовательно о славянском языческом представлении о смерти известно очень немного. Прямые свидетельства крайне скупы. В результате учёным приходится обращаться к более ранним или более поздним периодам, а именно к индоевропейской мифологической традиции и изучению народных культов святых [7]. Таким образом, реконструируются славянские языческие культы.

Один из распространенных языческих культов – причитания. В них смерть, не получает, как правило, ясного антропоморфного облика, что позволяет воспринимать её как высшую, неизвестную и таинственную силу. О более ранней образной природе смерти в русских похоронных причитаниях свидетельствуют целая цепь её определений – «голодная», «холодная», «неумная», «недосудная», «смерть-злодей», «змея

лютая», «кропивка кровожадная», постоянный антропоморфизм её действий: она приходит, не спросив, украдкой, никогда не стучится в ворота и пр. [5].

Тайна смерти и посмертного существования человека была одной из определяющих идей языческого мировоззрения. Не случайно со времени первого появления человека и до настоящего времени ни одно явление не вызывало в нём столько сильных эмоций и такого напряжённого процесса мысли, как смерть, это странное, непонятное явление, идущее коренным образом в разрез с самыми сильными инстинктами всякого живого существа, логическое отрицание всего существующего и самого смысла существующего [8].

Иногда смерть в причитаниях, так же как и в мифах, предстаёт то в облике калики переходной, то неожиданно теряет видимые очертания, то вдруг вновь многократно и последовательно перевоплощается. Смерть (как болезнь и горе) тоже имела, по всей видимости, на какой-то определённой стадии развития и постоянный антропоморфный облик [6]. Язычник сравнивал смерть с мраком, холодом, сном, но ему нужно было определить ту таинственную силу, которая была источником данного акта, ту силу, которая создала смерть. Быстрота прихода смерти создавала образ смерти-птицы. Существуют и более поздние образы смерти – старухи, скелета. В самых поздних по времени записях смерть представляется женщиной.

Если смерть имеет облик, значит, её можно уничтожить. В некоторых сказках герой возвышается над смертью, побеждает её. В древних языческих обрядах смерть хоронят, чтобы её не было. Это говорит о том, что, по древним представлениям, смерть, как и всё живое, была смертна, а потому её должно похоронить так же, как мёртвого [1]. Момент возможного «вторичного» возрождения, очень важный в земледельческих обрядах, здесь отсутствует.

Интересным является так же, на наш взгляд, тот факт, что славяне, и не только они, вери-

ли в перерождение человеческой души. Этнографические наблюдения у самых различных племён земного шара свидетельствуют, что первобытный человек не верит в естественную неизбежность смерти [8]. Он приравнивал смерть к жизни, она была лишь для него границей, после которой начиналась новая жизнь в новом мире. Раз после смерти жизнь будет продолжена где-то в другом месте, то для человека перестал существовать ужас смерти. Существование человека на земле оказалось только одним из звеньев в цепи всех отошедших поколений; устанавливается связь со всеми теми, которые уже отошли, и сама жизнь приобретает для него другую ценность и другой смысл [9]. Могилы, курганы предков располагались бок о бок с усадьбами живых: то были даже не два разных мира, а единый мир, в котором прошедшее, настоящее и будущее оказывались тесно сосуществующими. Все три времени находятся как бы в одной плоскости [3].

Однако у человека существовал и страх перед смертью. Именно он оказался во главе угла погребального ритуала, причём страх не перед смертью, а страх перед мёртвым, он-то и поддерживал строгость соблюдения и поразительную устойчивость данного ритуала в течение многих веков.

Всё время своего существования вопросом смерти интересовались и литературоведы. На наш взгляд, наиболее интересен образ смерти у Максима Горького в его сказке «Девушка и Смерть». Как показал анализ данного произведения, автор использует фольклор как фундамент. М. Горький указывает основные признаки смерти, запечатлённые в языческом мировоззрении, тем самым показывая, что она не придуманная им, а самая «обычная», которую мы представляем себе с давних веков, но в то же время описывает смерть совершенно с другой, светлой стороны. Следовательно, можно проследить сходства образа смерти у М. Горького и в фольклоре, а так же их практически кардинальные различия.

Рассмотрим данное произведение, чтобы проследить сходства и различия образа смерти в фольклоре и у М. Горького. В самом начале произведения М. Горький рисует Смерть своей, а так же изображает её в виде костлявой старухи с косою.

... И, озлясь, сживает Смерть со света
Иногда не тех, кого бы надо. ...
... Дела – много, а уж я – стара, ...
... И, на вешнем солнце кости грея, ...
... А змея ей жалом косу лижет. ...[2]

Но в этих же строчках закладываются противоречия самому раннему фольклору, что смерть не имеет облика. Так же, идя в разрез представлениям древних славян, М. Горький приписывает Смерти человеческие чувства: «она была не в духе», «скучно век возиться с тухлым мясом»,

«хочется пожить», «ведь весной любви и жизни зерна набухают даже в ней, старухе», «полюбить бы Сатану ей» и пр. К этим описаниям стоит добавить и уточнение автором внешнего вида Смерти: «Смерть разула стоптанные лапти», «вдруг запела тихо и гнусаво, как умела», «Смерть обула лапти и онучи».

Всем этим М. Горький рисует нам конкретный, ясный образ Смерти, что отсутствует в фольклоре. Но стоит отметить, что именно он взят за основу данного образа.

Ещё одно явное противоречие фольклору заключается в том, что Смерть у М. Горького подневольная и находится на службе у царя.

... Бросились к девице, словно черти,

Конюхи царёвы и вельможи, –

Предали девицу в руки Смерти.

Смерть всегда злым демонам покорна, ...[2]

Из этого следует, что Смерть всегда должна исполнять то, что ей велено, а её работа становится обязанностью, которая может быть неприятно, но выполнять её приходится, и автор сказки подтверждает это.

... Скучно век возиться с тухлым мясом,

Истреблять в нём разные болезни;

Скучно мерять время смертным часом – ...

... Надоел ей ужас человечесий,

Надоели похороны, склепы. ...

... Но – ведь у меня ты не одна –

Тысячи я убивать должна! ...[2]

Как и в фольклоре, Смерть у М. Горького является живой. У неё есть отец, есть сердце, чувства, мысли, желания. Хотя автор и не говорит напрямую, что Смерть можно убить, но данный факт можно проследить в произведении. Так же М. Горький не скрывает от читателя, что силу Смерти можно побороть.

... Я родил убийцу светлой Жизни,

Я отец проклятой, подлой Смерти! ...

... Потому что предал подлой Смерти

Светлое, как солнце, божье сердце! ...

... Пусть их тот простит, чья сила может

Побороть навеки силу Смерти. ...[2]

Важно отметить то, что у М. Горького отсутствует идея перерождения, и поэтому «все пред неизбежной с нею встречей ощущают только страх нелепый». Но главная героиня – Девушка – «стоит пред Смертью, смело грозного удара ожидая» [2, С. 28]. Это основа для самого главного отличия образа смерти в фольклоре и того, который представляем себе мы, от нарисованного Максимом Горьким образа смерти в произведении.

В сказке «Девушка и Смерть» Смерть в начале обретает привычные для нас черты, но к концу полостью их утрачивает. Её внешний вид остаётся тем же самым: костлявая старуха с острою, звенящею косою, в стоптанных лаптях и онучах – но меняется внутренний мир Смерти и отношение к ней. Тухлое мясо, смертный час, «похороны, склепы» сменяет лунная

ночь, небо, усыпанное звёздами, трава атласная «под росистой молодой орешней». «Конюхи царевы и вельможи», искажившие «угодливые рожи», бросившиеся к девице, «словно черти», исчезли, и теперь, «положив ей (Девушке) голову в колени, дремлет парень, как олень усталый».

До встречи с Девушкой Смерть «была не в духе». Но обращение Девушки к ней, как к бабушке: «Смертушка» – и странные просьбы: «дай ты мне ещё поцеловаться!» – привели Смерть в недоумение, к рассуждениям и подтолкнули отойти от привычных законов и порядков, отпустить Девушку и любоваться «как солнце золотит живым своим огнём лист осины в жёлтые червонцы», даже петь. Со временем «тихо пламя гнева гаснет в её черепе пустом» [2, С. 34]. Этими же словами М. Горький говорит нам: «Смерть потеряла своё сознание. Ту часть человека, которая отвечает за разумные поступки, которая заставляет нас блюсти закон, подчиняться определённым рамкам и требованиям, исполнять приказы». Теперь у неё осталось «светлое, как солнце, божье сердце» [2, С.30], а «в тёмном сердце Смерти есть ростки жалости, и гнева, и тоски» [2, С. 34]. В этом сердце есть все чувства, присущие человеку, но тёмным М. Горький называет его не потому, что оно плохое, холодное, чёрствое. Оно тёмное для нас, людей, неизведанное, непознанное, непонятое. Однако именно это сердце являет миру «чудо»: «разрешаю я (Смерть) тебе – живи!» [2, С. 34].

В заключении своего произведения М. Горький делает акцент на том, что Смерть – неотъ-

емлемая часть нашей жизни. «Любовь и Смерть, как сёстры ходят неразлучно до сего дня», и как важна Любовь, так важна и Смерть [2, С. 34]. Если бы человек не мог ощутить горя, болезни, скуки, депрессии, он не знал бы цены здоровья, радости, успеха, доброты. Если бы человек не ведал Смерти, он бы не смог ощутить полноты любви и жизни. Поэтому Максим Горький говорит нам о том, что Смерть отнюдь не отрицательная часть нашего существования, а, наоборот, положительная, так как именно она «везде – на свадьбе и на тризне – неустанно, неуклонно строит радости Любви и счастье Жизни» [2, С. 34]. Поэтому, по-нашему мнению, образ смерти в сказке «Девушка и Смерть» М. Горького кардинально отличается от языческого представления.

Список литературы

1. Базанов В.Г. Герой побеждает смерть / В.Г. Базанов Поэзия русского Севера. Петрозаводск, 1981. С. 192.
2. Горький М. Повести. Рассказы. Сказки. «На дне». Публицистика / Сост., вступ. ст., коммент. С.Ф. Дмитренко – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. – 731с. – (Библиотека школьника). С. 27-34.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 110.
4. Ерёмин В.И. Ритуал и фольклор / под ред. А.А. Горелова – Л.: Наука, 1991. – 207 с.
5. Русская народно-бытовая лирика / Сост. В.Г. Базанов, А.П. Разумова, М.; Л., 1962. С. 497.
6. Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913. С. 31.
7. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1983. С. 3.
8. Штернберг Л.Я. Основы первобытной религии // Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 12.
9. Штернберг Л.Я. Эволюция религиозных воззрений // Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 293.

**«Современные материалы и технические решения»,
Лондон, 20-27 октября 2013 г.**

Технические науки

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ СО ВСТАВКАМИ ИЗ ИЗУМРУДОВ

Китанина А.В., Морозова Е.А., Муратов В.С.

Самарский государственный технический
университет, Самара, e-mail: kitanina@mail.ru

Изумруд – чудесный зелёный камень. Цена на изумруд может достигать 5000 долларов за карат. Естественно, такие цены поспособствовали созданию разнообразных подделок. Целью данной работы явилось изучение современных методов оценки драгоценных камней и проведение экспертизы 5-ти ювелирных изделий со вставками из изумруда. Самый удобный для экспертов способ отличить изумруд – использование фильтра Челси. В отличие от похожих камней, изумруды, наблюдаемых в фильтр Челси, выглядят красным. В настоящее время широко используется шкала Мооса – с помощью неё можно определить твёрдость минерала. Менее

ценные образцы имеют твёрдость ниже, чем изумруд. Но физические характеристики синтетических изумрудов практически такие же, как и у природных. Использование в ювелирных украшениях синтетических камней не является незаконным, но это должно быть отражено в ярлыке изделия. Самый верный способ выявить подделку – тщательно изучить под микроскопом характер включений и дефектов камня. Слишком однородная структура и отсутствие включений должны вызвать подозрения. Исследования, проведённые на оптическом металлографическом микроскопе МБС-10 при увеличении х56, позволили установить кристаллы роста, а также инородные включения на 4-х изделиях. Однако на одном из них (кулоне) включений нет, и кристаллы роста имеют совершенную структуру. В работе использовался также тестер для определения подлинности драгоценных камней Presidium Duotester, основанный на измерении теплопроводности. Для завершения иденти-